

КРЕСТЬЯНСКИЕ МЕМУАРЫ

К 200-летию Т.Г. Рябинина

15 апреля 2001 г. исполняется 200 лет со дня рождения великого русского сказителя Трофима Григорьевича Рябинина. Точная дата его рождения была установлена сотрудником музея-заповедника «Кижи» С.В. Воробьевой на основании черновых записей Метрической книги Сенногубского прихода за 1801 г.

К юбилею Т.Г. Рябинина «Живая старина» публикует воспоминания его потомков — А.В. Андреевой-Рябининой и А.М. Рябинина. Представленные материалы — фрагменты из готовящейся к выходу в свет книги «Крестьянские мемуары. Ч. 1. Кижская волость» (автор и собиратель материалов — Р.Б. Калашникова, зав. отделом фольклора музея «Кижи»).

Расшифровка материалов (первая запись 1990 г., вторая — 2000 г.) Р.Б. Калашниковой, А.А. Поповой.

Александра Васильевна Андреева-Рябинина, урожденная Ригачина. Родилась в д. Гарницы в 1907 г., умерла в Петрозаводске в 1992 г. Жена известного сказителя, члена Союза писателей СССР Петра Ивановича Андреева-Рябинина (1905—1953). Запись сделана в апреле 1990 г.

Знакомство
с П.И. Андреевым-Рябининым

Ну, как сказать, ходила я с одним парнем два года, а этот все присматривал, сосед-то. Ну вот, он идёт мимо, как раз мой дом на краю деревни стоял, и всё всегда с песнями, песни поёт. Я-то думаю: «Зачем это я Петра-то не люблю. Ведь он какой песенник! Господи, зря я этого парня-то мучаю» (смеется). А он говорит: «Я тебя будил! Тебя будил, чтобы ты слышала, что мой голос». Вот влюблён был до чего. А с другим парнем: «Не пойдёшь ты за Павлуху, нет, нет, нет!» — сколько раз говорил. Сватать пришла сестра его Оля: «Вот, давай, давай, с этой деревни да ему люба, такая работящая девка!» Праздник был вот, Ильин день, она так и так уговаривает: «Шура, давай договариваться будем, и бросай своего кавалера, а давай выходи за моего брата». Пётр к празднику пришел, да и мы к сестре пошли в Сенну Губу. В Сенной Губы были. Там посидели, с им и пошли, значит, в Гарницы. Он меня и не отпустил больше. Вот так. Свадьбу назначили десятого августа¹. Свадьба в рабочее-то время была. Ну, свадьба была хорошая, правда. Приехали из Петрозаводска, народу много было. Последний венец наш был. Я говорю: «Неужели мы пойдём венчаться?», а он говорит: «Давай, пойдём,

пойдём, ешё венчают, да!» После нас никто не венчался. У меня было вроде такого платья, такое оно шёлковое было, малиновое. Такой красивый цвет: блеск подаёт, то светло, то нет, цвет то такой, то другой, интересно. Таких не было ни у кого платьев. А на голове была сетка жемчужная. Были бусы, в ушах были кольца. У меня мама торговала. Она жила в Ленинграде, там покупала, торговала этими бусами, кольцами. А Пётр — у него серый костюм, серый пинжак был, а чёрные брюки были. Не было костюма у него, а пинжак был хороший. Ну, вот так и поженились. Корову мать дала мне в приданое, овцу дала. Ну, в своей деревне, дак перенавшивали, пять сундуков было имущества. Сколько было наткано у матери, ой! И последний наш венец был. Никто больше не венчался.

Семья Андреевых-Рябининых

Поехали мы со свёкром, у нас были сети поставлены в Онежском озере. Много сетей было поставлено. Ну, вот: «Вроде тихая погода. Давайте, поедем, Шура, садись, ты в верхна, а Пётр в нижна, а я на кормы буду сидеть». Поехали. До того мы рыбы наловили, до того нам напопадало, что полная лодка-то, рыбе места нет! Куда нам деть, ведь тепло? Куда с рыбой? «Поеедемте в город!»² Тихая погода была. На вёслах поехали. Ну, двое в вёслах: я в вёслах в верхних, а он в нижних, а он на кормы сидел — свёкор. К вечеру приехали, тихо было, погода хорошая была. Пристали, да ой, как народ набежал за рыбой, за этой. Дак свёкор лишнее-то, и сиги, и окуни, и щуки, дак, свёкор на 2 кг третий так давал, только б избавиться от рыбы. Ну, граждане тут понабрали!

Александра Васильевна Андреева-Рябинина, жена П.И. Андреева-Рябинина (д. Гарницы, 1990 г.)

Рыбаки они были хорошие! Это перед войной было. Ой, столько было рыбы! Он однажды пришел, так я ужаснулась — куда деть такую рыбу! Щука. Пётр-то высокой ростом был. Дак голова на плече, а хвост в ногах, такую заколол. Острогой заколол. Такую рыбину разве так поймаешь! Он как шагнул в дом, я говорю: «Ты с ума сошёл!» Такую рыбину волочил, что не знаю, сколько и килограмм!

Дом у нас был большой двухэтажный³ Ой, работали, мучались. Две лошади держали. Три коровы было. Во дворе овцы были, двенадцать штук овец. Да потом я ещё корову привела от матери. Кур полно было. Управлялись, ой, как управлялись! Утром встанем в пять часов и вот косить! На пожню вместе ходили. У нас были на полях всё каменные огородья кругом, не с дерева, не с жердей, а каменные, дедки-то были такие работящие, старники-то!

Сказывание былин

Слышала быльни, много раз слышала. Свёкор всё сидел, сетки вязал, да и пел. А потом стал петь Пётр. Он пятигодовой как-то стал петь. Отец его особо и не учил, сам он, у него какое-то настроение у самого было. А потом так стал петь, что его стали вызывать в Ленинград. Нам репропдуктор привёз слушать. Он в Москве поёт, а мы дома слышим. Это такой чёрный круг был, а мы сидели слушали. Так хорошо было слышно! По три часа пел сразу. И не останавливался, всё пел, пел, пел. Там выступал, привозил подарки. Ему был патефон подарен, всю войну берегла. Часы именные ему были даны, ну подарки там привозил всякие. Тут что-то с хлебом было, вот он хлеба привёз, в деревне не было сыру, дак он брус сыру привёз для гостей и нам, все за стол, деревенских соседей-то угощали. Приезжал к нам сказитель Коргуев в Гарницы. Конашков в Гарницах бывал. Но они как-то не так пели, как наши. Наши, и Петр и отец его, Иван Герасимович, как-то интереснее пели. Я Ивана Герасимовича помню хорошо. Хороший был мужик. Ай, какой хороший мужик был! Он в Петербурге жил, там работал. Вот помню, что в Колпино, а вот кем работал, не помню я. У меня отец тоже в Колпино столяром был. Как Иван Герасимович помер?⁴ Поехал на биржу с Петром, зима была плохая-плохая, ну они в землянках спали. Он там простыл, наверное, в землянках-то. Они приехали домой, и он заболел. У него воспаление лёгких было. Он мне всё наказывал: «Шура, вспоминай свёкра, меня». Ведь человек хороший был. Поболел, поболел, а воспаление лёгких как-то не вылечили. Дома был, не в больнице. А похоронили его в Сенной Губе возле церкви. Вот хороший, Иван Герасимович очень хороший был мужчина.

Любимые занятия
П.И. Андреева-Рябинина

На лодке ездить. Мы маяки ещё зажигали. Работали, маяки зажигали, напротив нашей деревни, там Леликово есть, пароход мимо ходил, другой маяк — напротив Лонгасов. Едем, сначала зажигаем огни на одном, а потом на другом. Когда тихо, он едет один. А когда ветер, дак уж вдвоём приходится ехать-то, зажигать фонари. Иногда там и ночевали. Домик был поставлен. Фонари стояли. Два фонаря.

Как он любил на лодке ездить, ой! Песни, как поедет, песни на всё озеро слышно. Голос сильный, голос хороший у него. Любли песни-то петь! И я любила, а вот как сына-то убили, да муж умер, так я это всё забросила. Сын погиб в 1944 году, ему ещё 18 лет не было. Сон видела перед этим: крышу сорвало, а стены остались.

Вороной конь

Утром встанем в пять часов и вот ко-
сить, потому что две лошади да три коро-
вы. Две лошади держали, коня ростили,
вот вырастили такого вороного коня боль-
шого. Ой, конь какой хороший был! Он
меня таскал, таскал, как поеду на нём,
вспомню. Как-то свекрова стряпала, а
ерши-то крупны такие, дак она напарила
ершей в печке, крупных с икрой, говорит:
«Петру свези на поля». Ну, я: «Ладно, по-
еду». Поехала, корзинку на руку одела,
сама верхом села. Конь увидел: дровни
лежали в поле, да на дровнях шишко сена
лежит, он как этой шишкой испугался, как
понёс леший, как понёс! Я висела, висела,
эти все ерши потеряла, корзина упала,
ноги запутались, остановился, поехали
домой обратно. Бабке сказала, свекровь:
«Знаешь, мамаша, как хочешь, а тут все у
меня ерши в поляны улетели, горшок с ер-
шами с крупными с этими!» «Ну ладно,
— говорит, — накладём другой». Такой
конь боязливый, сумасшедший такой
конь! Бывало, с Петром мы поедем в Пет-
розаводск, только держись. Поедем в Пет-
розаводск на этом коне, а Петра как раз в
Ленинград требовали. Зимой. Приехали
мы к Абрамовскому мосту. Как сумасшед-
ший конь несётся, большущий, здоровый,
отхожен был. Шёл батюшка по мосту по
Абрамовскому, он как-то зацепился, мы
ехали на дровнях-то, батюшку зацепили
и потащили. Ой! Конь метра два, навер-
ное, тащил его, и упал батюшка на мосту
на Абрамовском. Как сумасшедший конь
был, дак мешок одевали на глаза, натяги-
вали, чтоб он не видел и не пугался кого-
нибудь. Ну, а как я поеду с города на этом
коне? Пётр говорит: «Ну ладно, естьсосе-
ди там, ты на соседскую лошадь сядь, а
эту дай Егору Бёву». Егор рядом жил в
деревне. Ну, Пётр уехал, я его проводила,
сбегала, с Егором договорилась. «Ладно,
давай, через озеро-то переедешь, а потом,
может, получше будет». Ну и поехали,
конь как понёс, леший! Егор вперёд ехал,
я-то вслед, он как-то захватил моего-то
коня: «Давай-ка, переходи на моего коня».

Как с города Пётр приехал, я ему говорю:
«Я больше не поеду с тобой, нет, нет, нет!
Поезжай и сам садись на коня, а то ты в
Ленинград поехал на поезде, а я тут с ко-
нём досадилась!» А всё ж любила ездить
на конях, на коне этом. А потом в колхоз
сдали, ай, до чего был доведён! Ой, мы
плакали всё! С Петром всё плакали.

Война. Эвакуация из Гарниц

Мне деверь сказал вот, Степан Ива-
нович: «Шура, — говорит, — только не
оставайся, Петруха, — говорит, — комму-
нист, не оставайся. А то могут надругать-
ся чего-нибудь над ребятами, над тобой.
Только не оставайся!» Я этих слов запом-
нила на всю жизнь, чтобы не остаться под
финном. А Петр всё на передовой был, в
окопах. Дак его выкинуло с окопов, а по-
том тут немножко затронуло. Контузен-
ный приехал. Недолго и пожил. Быстро
свернулся. С ног да в гроб.

Эвакуировались, до Киж доехали, на-
против Зубовых самолёт налетел и стал
бомбить нас, нашу баржу-то. А пароход
взял да отцепил, бросил баржу эту, ушёл
пароход. Вот, баржа качается — ходит, тут
меж деревнями. Ну, вот, значит, у меня
ребят шестеро, у меня верёвки нету, все
ребят привязывают к себе, что бомбят,
дак, может, баржа-то течёт, ведь мы по-
тонем все. А у меня верёвки не хватит, ре-
бят шестеро, сама седьмая. А Володя, стар-
ший, захватился за меня и сказал: «Мама,
утонем, дак все уж вместе, в куче, если уж
не придёт помочь какая-нибудь». Само-
лет по ту сторону и по другую спустил, а в
баржу-то не попало. Баржа не течёт. И вот
глядим, часа два, наверное, прошло или
как, пароход пришёл и нас потянул. Так и
спаслись, только вот напугались все, на-
род-то. Господи!

**Алексей Михайлович Рябинин (родил-
ся 30 марта 1921 г. в д. Потаневщи-
на). Прямой потомок — правнук —
всемирно известного сказителя былин
Трофима Григорьевича Рябинина
(1801—1885). Запись сделана в январе
2000 г.**

Приезд Сталина в Кизи

Вот я что помню. Господи, вот, навер-
ное, летом, около 33-го года, наверное, как
Беломорканал открыли... Белые светлые
ночи, в городе их так не замечаешь... Гу-

Алексей Михайлович Рябинин (праправнук Т.Г. Рябинина) с женой Клавдией Григорьевной. Середина 1990-х гг.

ляли мы с этим Лёшкой Русиновым, которого сейчас живого нету, он помер. Смотрим — идет пароход... «Анохин». И без гудков, безо всего, так тихо подошел. Было это около, ну, около 12. Часов у нас нет. Ни одной живой души не было, вот, кроме нас двоих, все спали. У Русинова шлюпка была. Мы там ковырялись, под паруса на завтра готовили. Ну, прибежали на пристань. Ну, так швартовы надо принять? Мы вот приняли, трап приняли. Ну, выходят оттуда... Выходят... трое вышло... Сперва вышли кто? Охранники, наверное, в гражданской форме. По-теперешнему, это охрана. Человек около десятка тут выходило. Из команды парохода никто на берег не выходил. Капитан как на мостице был, так и стоял там. И больше никого. Потом-то их трое. Потом-то мы узнали, что это Сталин, Ворошилов и Киров. Вот. Ну такие, ну, невысокого росту, на один манер. Мы головами, как говорится крутили, а так... Знали бы, что они, так мы получше запомнили бы, конечно. Но мы-то не знали. «Ну, как нам в церковь попасть?» — спрашивают. Тогда в церкви богослужение ещё было, потому что поп был. При церкви сторож был. Сторож такой был матюгальник... Крепкий. Егор. Мы его всё звали Ужоткин, Ужоткин, а так ему фамилия Серов. В сторожке была вроде приезжая комната, пароходы когда ждали пассажирские. А там у него своя коморочка была, он вот там как сторожем был и звонарь к тому же ещё. — А ключ у кого? — спрашивают.

— Вот, наверное, у дяди Егора.

Егор? Да-да, Егор. Ну, мы постучались. Раньше мы так со стариком развлекались: к его окну подбежишь и скребёшься, вроде как это покойники его пугают. И сейчас постучали. Он оттуда... он оттуда с матом: «Э-э...» А тут и сразу ему: «Папаша, тихо!» Он глянул и сразу замолчал. «А у меня, — говорит, — ключей нет, ключи, — говорит, — у батюшки, у отца Алексея». Ну, он нас: «Лёшка, давайте, бегите за ключами, батюшку позовите!» Ну мы туда прибежали, а там до Наволока, где батюшка жил, не так уж далеко. Вот мы пришли. А там попадья трясётся, уже нам открыли дверь, она трясётся, а в то время знаете, как все тряслись. Ну батюшка пришёл. Мы тоже туда... Нас оттуда — «цык». «Куда?» — и не пустили нас больше. Но сколько они там пробыли, время не засекали, не знаю. Они только в большой церкви были, в Спасовской. А в Покровскую не заходили, Покровская их не интересовала. Может, минут двадцать пробыли в церкви, может, полчаса. Недолго, недолго. И вышли. И опять на пароход, и пароход без гудков, безо всего. Ну и пошел в сторону Великой, ну там фарватер был, по Красному полю, и дальше, на Повенец. Вот только что мы видели. Я видел их⁵.

Внуки Трофима Григорьевича

Дедка мой Кирик Гаврилович пел быльи, рассказывал много сказок. Приезжали, мы тогда на Потаневщине жили, из

города учёные и записывали его, я не знаю какое сейчас название, тогда называли «круглый валик», я это помню... Дедку я помню... Ну, дедка как раз очень похож на этого, на Трофима Григорьевича. Такая же борода, седая борода и лицом тоже самое... Дедка работал до последнего. Мы с ним с сеном приехали, за сеном ездили зимой, ну, сено топтать, на дровнико, и он на печку забрался, и на печке помер, лёг и всё. Легкая смерть. Как дедка помер, отец все иконы снял. Все иконы снял до одной. Похоронен Кирик Гаврилович, как и все Рябинины, у стен Покровской церкви.

Дом наш был большой, красивый, двухэтажный. Внизу жили, наверху чистая была квартира, для гостей. И третья комната была с сарай, вот там питерская бабка жила. Агропена Гаврилова — ледки Кирика родная сестра. Она этот дом помогала строить, когда в Питере жила Деньгами. Всю жизнь она в Питере прожила. Как туда попадают? Вот Егор Ужоткин, он тоже в Питере прожил всю жизнь. Он краснодеревец. В ученики туда отправляли, с больших семей. И так она там осталась-осталась, и вот научилась хорошо готовить, вот и пошла по хорошим людям, по богатым. Комната на сарае у неё была в 2 окна. У ей было в комнате по-питерски. Всё беленькое, кровать белая такая, ну все белым покрыто, кругом не лавки, а стулья. Ей туда наготове мать кофе приносила, она кофе любила, обязательно со сливками. Одевалась она тоже по-городскому. Она всё время была поваром у графа Татищева, у Гагарина, у больших людей готовила, даже царю готовила, по рассказам... Царь был у Гагарина, по-моему, в гостях, ну вот она подала им, всё приготовила. Было хорошо, вкусно. Так царь её брал во дворец даже готовить. Когда революция случилась, её хорошо наградили, ну там золотых вещей надавали, денег да всё такое... Ей, видимо, тяжело нести было, на вокзале двое говорят: «Дайте, поднесём, в вагон посадим». Стали в вагон сажать, в одни двери зашли, в другие вышли — и всё, она осталась безо всего, остались только бумажки, бумажные деньги. Мы потом этими деньгами горнику оклеивали.

Свадебный дружка —
Михаил Рябинин

Отец — известный заонежский дружка был⁶. На свадьбы часто ездил, мать с собой брал. Одет был как все. Только

Михаил Кирикович Рябинин с женой Ольгой Ивановной. Начало 1920-х гг.

отличался полотенцем через плечо. Полотенце расписанное такое. И плётка. Не большая такая рукоятка. Прежде чем заходить в избу, дверь откроет и вот этой плёткой по полке-воронцу стучит и приговаривает: «Девки, молодки, юбки коротки», забыл уже... Смешное, знаете, складное, ну в рифму, как стих какой. Стихи,

собственно говоря, и есть. Вот случай был, он рассказывал. Значит, если хотят свадьбу что-нибудь испортить («портёж» назывался), он это разгадывал. А как портят свадьбу? Кусок медвежьего жира на дорогу положат зимой, и лошади не идут. Вот когда к венцу едут, сунут там. Был такой, его вроде колдуном звали, Першин Иван

Петрович, жил в Серёдке, рядом деревня Серёдка, его колдуном все звали, вот что колдун. Он подсунет... (Он что-то знал.) А отец разгадает. Он едет верхом первым, по-заонежски вершник называется. Сходит с лошади, лошадь под уздцы ведёт. К этому месту лошадь подходит и на дыбы становится, на задние лапы. Но отец снег разгребал, значит тут что-то есть, он вытаскивает-выкидывает, и вся свадьба поехала дальше.

Рассказ про колдовство

Если идти от Серёдки к Воробьям, туда такая загубовина идёт, и там треста¹. Воробы от Кижей видно, тут рядом Воробы. У Серёдки была такая вытоптанная поляна, вроде плешина, и там молодёжь гуляла. Гулянка. Вот расходятся с танцев... и там в этой тресты завёлся чёрт. Пугает. Треста вся шевелится, а сам не показывается. Им страшно ходить-то там. Вот к этому самому Першину и пришли парни. «Иван Петрович, чёрт завёлся у нас в тресты». — «А-а, найду вам эта га чёрта!» Ладно. Ну и пошел. С острогой. И за колол щуку. Это щука пугала. На щуке ястреб. У него крылья-то растопырены, он, видать, не по себе добычу взял, эту добычу-то и поднять не смог. Когтями-то вцепился, щука нырнула — он захлебнулся. Вот так он и остался, закаменел на щуке. А сама живая, вот она ходит и эту тресту всю шевелит, вот они и думали «чёрт». Вот чёрт там и объявился. Конечно, страшно. И щука здоровая. Может, кто и не поверит, а факт был фактом.

Примечания

¹ 1925 г. Венчались в Никольской церкви в Сенной Губе.

² В Петрозаводск (около 60 км от Гарнис)

³ Дом построил в 1894 г. дед, Иван Трофимович Рябинин, на деньги от выступлений с пением былин.

⁴ Иван Герасимович Андреев-Рябинин умер в феврале 1926 г. Простудился на бирже: бревна заготовляли в лесу.

⁵ Этот рассказ подтверждала дочь кижского священника Алексея Степановича Петухова (расстрелян в 1937 г.) — Августа Алексеевна Аккуратова (1921—1999) в беседе с сотрудниками музея «Кижи».

⁶ «Миша Кирикович — язык подвешен был». Запись от М.М. Русановой (д. Погост, 1911 г.р.). 3 августа 1988 г.

⁷ Камыш, тростник.